

Но в конце концов, она была всего лишь ребенком, и семья Шэнь ее всячески оберегала, поэтому после этого Шэнь Сюэи больше не говорила, и никто не осмеливался ее дразнить, как будто ничего и не произошло.

Неудивительно, что мадам Шэнь так испугалась, ведь эта девушка произносила одно предложение раз в полгода, да еще и была «вороной».

Но Жун Цзянь подумал, что эта девочка довольно точно предсказывала в обратную сторону, ведь его прежнее тело, будучи старшей принцессой, занимало положение «один под небесами, выше всех», но в итоге умерло довольно рано...

Прошло несколько дней, и Се Шу внезапно перестал посещать занятия.

От секретаря Се также поступили известия, связанные с его делом. Се Шу действительно подрался с пятым сыном маркиза Чэньэнь из-за куртизанки. Оба они приглянулись одной и той же женщине, и хотя Се Шу выбрал ее первым, этот пятый сын, полагаясь на то, что его сестра была любимой наложницей императора Сяо, не обратил на Се Шу внимания и просто забрал ее. Се Шу, будучи униженным, в порыве гнева сказал, что, как бы ни была любима наложница Сяо, она не смогла родить ребенка и в итоге умрет во дворце, некому будет за ней ухаживать.

Изначально это была просто драка между двумя молодыми аристократами, но после этих слов все изменилось. Семья Се привела Се Шу извиняться, но семья Сяо отказалась принять извинения. Дело дошло до дворца, и наложница Сяо, рыдая, рассказала обо всем императору, вызвав большой переполох. Говорят, что Се Шу отправили обратно в родовой храм для размышлений.

Жун Цзянь был поражен, но решил, что это к лучшему, ведь хотя бы родители девушки Фань не были слепы и не позволили бы ей выйти замуж за такого двоюродного брата, а он сам больше не должен был терпеть болтовню Се Шу, и в библиотеке стало гораздо тише.

Жун Цзянь избегал дополнительных занятий, избегал оставаться наедине с Мин Е, но так продолжаться не могло.

Рано или поздно пришлось бы столкнуться с этим.

Однажды вечером, после уроков, Мин Е спросил:

— Ваше Высочество считает, что я плохо преподаю?

Услышав это, Жун Цзянь сразу же возразил:

— Как так! Вы преподаете очень хорошо!

Он не решался показывать свою глупость перед учителями в библиотеке, но перед Мин Е вел себя свободно, поэтому учился гораздо больше.

Мин Е, слегка опустив глаза, произнес:

— О?

Жун Цзянь искренне сказал:

— Правда.

Мин Е поднял бровь и медленно произнес:

— Если Ваше Высочество называет меня учителем, то я осмелюсь немного ограничить Ваше Высочество.

Жун Цзянь удивился:

— А? Что случилось?

Мин Е ответил:

— Завтра после обеда у нас урок верховой езды и стрельбы из лука. Если у Вашего Высочества нет дел, пожалуйста, приходите в павильон в центре озера читать книги.

Жун Цзянь невольно вздрогнул. Почему у него возникло ощущение, что он попал в ловушку...

Когда Мин Е преподавал, он не проявлял строгости, но иногда его давление было сильнее, чем у учителя Ци.

Он покорно согласился.

Мин Е проводил его до дворца Чанлэ.

Жун Цзянь открыл дверь.

Он вспомнил, как впервые встретился с Мин Е. Тогда в это время было еще светло, и Мин Е стоял у входа во дворец Чанлэ, держа в руках несколько веток камелий, которые преподнес ему.

Неужели прошло уже так много времени?

На следующий день после обеда Жун Цзянь должен был отправиться с Мин Е в павильон в центре озера, но ночью поднялся сильный ветер, и часть моста была повреждена. Сегодня его еще не успели починить, и хотя повреждения были несерьезными, нельзя было подвергать риску драгоценное тело принцессы.

Услышав, что не сможет пойти в павильон, Жун Цзянь обрадовался, будто ему дали выходной, и был невероятно счастлив.

Мин Е, стоя рядом, посмотрел на Жун Цзянь. Он был высокого роста, и, стоя рядом, мог видеть длинные ресницы Жун Цзянь и его слегка вздернутый нос.

Он сказал:

— Ваше Высочество согласится почитать книги в моей комнате?

Жун Цзянь:

— !

Затем, опустив голову, произнес:

— Ну, можно и так.

Мин Е с улыбкой посмотрел на него:

— Разве Ваше Высочество не следует словам мудрецов и не стремится к знаниям?

Жун Цзянь ответил:

— Разве сердце человека не может быть разделено на две части: одна стремится к знаниям, а другая — к отдыху?

Однако Мин Е не пошел на уступки той половине сердца Жун Цзянь, которая хотела отдыхать, открыл его книги и начал с того места, где они остановились. К счастью, Жун Цзянь был внимателен на уроках и отметил все непонятные места.

Жун Цзянь задавали вопросы на уроках учитель Ци, а после уроков — учитель Мин, и его голова шла кругом, он едва не засыпал.

Уроки шли днем, поэтому лампы не зажигали, только открыли небольшое окно. Мин Е сделал новый столик, который можно было поставить на кровать, и Жун Цзянь сидел на кровати, скрестив ноги, и писал.

К пяти часам вечера Жун Цзянь был уже измучен, но тон Мин Е не изменился. Он не выдержал, спрыгнул с кровати, наполовину обулся, и, ступая по полу, время от времени издавал легкие звуки, словно маленькое животное прыгало и бегало.

Шаги Мин Е были тихими, и он издавал звуки только тогда, когда был в бою, надевая тяжелые сапоги, которые звучали глухо. Это было совсем не похоже на такие шаги.

Но комната была маленькой, и, хотя животное было невелико и не слишком умно, через некоторое время оно все изучило, так как больше нечего было рассматривать.

Но Жун Цзянь все же случайно обнаружил кое-что странное.

На стуле стояла миска с водой, в которой что-то замачивалось, и это явно не было одеждой. К тому же, одежда охранников отправлялась в прачечную.

Жун Цзянь с любопытством спросил:

— Что это?

Мин Е взглянул и небрежно ответил:

— Материал для наручей.

Жун Цзянь подошел ближе, чтобы рассмотреть, словно хотел избежать чтения, и настойчиво спросил:

— Наручи... это то, что надевают на руки?

Мин Е подтвердил.

Жун Цзянь задумался:

— Что это за кожа, она выглядит такой тонкой, сможет ли защитить? Давай я попрошу тетушку дать тебе что-нибудь потолще.

Он смотрел на Мин Е, его лицо освещалось последними лучами заходящего солнца, кожа казалась очень бледной, в его взгляде не было ни настороженности, ни подозрительности, словно он никогда не сталкивался с болью.

Слишком доверчивый.

Мин Е подумал, глядя на него, что этот человек, склонивший голову набок и смотрящий на него, был красивее любого сокровища.

После занятий Мин Е проводил Жун Цзянь обратно во дворец Чанлэ и вернулся в свою маленькую комнату, где жил уже два года.

Открыв дверь, Мин Е увидел замоченную кожу, лежащую в стороне. Это был материал для изготовления маски, но не человеческая кожа, так как человеческая кожа слишком хрупка для точного моделирования.

Когда он спрашивал Жун Цзянь, не хочет ли тот прийти, Мин Е, кажется, не осознавал, что в комнате лежали вещи, которые нельзя было показывать. Обычно он не был так неосторожен.

Или, даже если бы это увидели, это не имело бы значения. Во всем запретном городе, вероятно, не было человека, более доверчивого, чем Жун Цзянь, и Мин Е никогда в жизни не говорил такой небрежной лжи.

Мин Е мог понять более глубокую причину, а именно то, что Жун Цзянь доверял ему.

Жун Цзянь хотел держаться подальше от Мин Е, но при этом доверял ему больше, чем другим.

Так противоречиво и так непонятно.

Как и то письмо, которое он передал Мин Е, специально предупредив, чтобы тот не подглядывал.

Мин Е взял книгу, вытащил из нее письмо, разорванное на кусочки и снова собранное. Он передал его девушке Фань Чаоюэ, которая, прочитав, поняла, что это приватное письмо из дворца, и не осмелилась оставить его при себе. Рядом не было огня, поэтому она разорвала его и закопала под деревом камелии.

Прежде чем кто-то мог заметить что-то странное, Мин Е собрал кусочки письма из-под дерева.

Это был не первый раз, когда он читал это письмо.

И это нельзя было назвать подглядыванием, ведь оно было выброшено.

Жун Цзянь написал это письмо, чтобы Фань Чаоюэ не обманули.

Но разве одно письмо могло заставить человека увидеть истинную сущность двоюродного брата, которого она знала больше десяти лет?

Наверяд ли.

Единственное умное, что было сделано во всей этой истории, — это использование другого почерка, а бумага была взята из библиотеки, чтобы нельзя было отследить источник.

Это, вероятно, был настоящий почерк Жун Цзянь.

Но, прочитав письмо, Мин Е увидел наивность и избыток сочувствия Жун Цзянь, но не собирался ничего делать.

До той ночи, когда Жун Цзянь задал ему вопрос, на который не было ответа.

Он опустил ресницы, рассеянно глядя на озеро, казалось, он был слишком уставшим, чтобы продолжать так жить. Ему приходилось постоянно скрывать свое истинное «я», прятать свою наивность и веселье, приспосабливаться к разным людям.

То, что для Мин Е было легко, Жун Цзянь делал не так хорошо, и это давалось ему с большим трудом.

Мин Е вспомнил то письмо, вспомнил обеспокоенного Жун Цзянь и напуганную, но не верящую Фань Чаоюэ.

Авторское примечание:

Кто-то скоро попадет в беду, хотя и продолжает упрячиться.

<http://bllate.org/book/16310/1471465>